

Профессиональная аспирантура: международный опыт и российский контекст

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21

Бедный Борис Ильич – д-р. физ.-мат. наук., проф., директор Института аспирантуры и докторантуры, bib@unn.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23, корп. 2

Бекова Сауле Каэржановна – PhD, научный сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования, sbekova@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10

Рыбаков Николай Валерьевич – канд. социол. наук, зам. начальника отдела Института аспирантуры и докторантуры, rybakov-nv@phd.unn.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23, корп. 2

Терентьев Евгений Андреевич – канд. социол. наук, директор Центра социологии высшего образования Института образования, eterentev@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10

Ходеева Надежда Александровна – аспирант, nadya_hodeeva@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23, корп. 2

Аннотация. Диверсификация аспирантских программ сегодня является глобальным трендом. Университеты в разных странах мира предлагают программы, которые различаются по форматам обучения, типу подготовки, характеристикам целевой аудитории и возможным рынкам трудоустройства после выпуска. В России аспирантура существует в унифицированном формате, ориентируясь прежде всего на академический рынок. В последнее время всё чаще проводятся дискуссии о необходимости расширения диапазона программ и линейки степеней в российском образовательном ландшафте. В данной статье мы пред-

лагаем анализ программ профессиональных степеней за рубежом: в ответ на какие запросы и потребности они появились, как реализуются, в каких форматах существуют. Кроме того, мы рассматриваем российский опыт реализации профессиональных аспирантских программ, анализируем существующие возможности и барьеры для их развития в России. На основе проведённого анализа делается вывод об актуальности развития программ профессиональной аспирантуры в России, целесообразности упрощения условий для их реализации и легитимизации особых требований к оформлению диссертационных работ, имеющих прикладную ориентацию.

Ключевые слова: аспирантура, профессиональные аспирантские программы, практико-ориентированные аспирантские программы, профессиональные степени, реформы аспирантуры

Для цитирования: Бедный Б.И., Бекова С.К., Рыбаков Н.В., Терентьев Е.А., Ходеева Н.А. Профессиональная аспирантура: мировой опыт и российский контекст // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21

Professional Doctorates: International Experience and Russian Context

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21

Boris I. Bednyi – Dr. Sci. (Phys. and Math.), Prof., Director of the Institute for Postgraduate and Doctoral Studies, bib@unn.ru

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russia

Address: 23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

Saule K. Bekova – PhD, Research Fellow, Center for Sociology of Higher Education, sbekova@hse.ru

National University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia

Address: 16, bldg. 10, Potapovskiy alley, Moscow, 101000, Russian Federation

Nikolay V. Rybakov – Cand. Sci. (Sociology), Deputy Head, Institute for Postgraduate and Doctoral Studies, rybakov-nv@phd.unn.ru

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russia

Address: 23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

Evgeniy A. Terentev – Cand. Sci. (Sociology), Senior Research Fellow, Center for Sociology of Higher Education, eterentev@hse.ru

National University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia

Address: 16, bldg. 10, Potapovskiy alley, Moscow, 101000, Russian Federation

Nadezhda A. Khodeeva – Doctoral Student, nadya_hodeeva@mail.ru

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russia

Address: 23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

Abstract. The diversification of forms and types of doctoral programs is currently a global trend. Universities across the globe offer programs that differ in the modes of training, characteristics of the target audience, and possible labor markets after graduation. In Russia, doctoral education exists in a unified format, focusing primarily on the academic labor market. Recently, there have been discussions about the need to expand the range of programs and the types of academic degrees in

Russia. In this article, we present the analysis of professional doctoral programs: in response to what challenges and needs they appeared, how they are implemented, in what forms they exist. In addition, we consider the Russian experience of implementing professional doctoral programs; analyze the existing opportunities and barriers for their development. Based on the analysis, we came to a conclusion about the relevance of the professional doctoral programs' development in Russia, the expediency of simplifying the conditions for their implementation and legitimizing special requirements for the design of dissertations with an applied orientation.

Keywords: doctoral education, professional doctorates, practice-based doctoral programs, professional degrees, reforms of doctoral education

Cite as: Bednyi, B.I., Bekova, S.K., Rybakov, N.V., Terentev, E.A., Khodeeva, N.A. (2021). Professional Doctorates: International Experience and Russian Context. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 10, pp. 9-21, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Крайне низкие показатели эффективности системы подготовки кадров высшей квалификации в России и негативная динамика их изменения в течение последних десяти лет актуализируют поиск новых подходов к реализации аспирантских программ с опорой на лучшие международные практики [1]. В частности, в экспертном и академическом сообществе активно обсуждаются перспективы внедрения интегрированных программ «магистратура – аспирантура» [1; 2] и развития совместных программ с индустриальными партнёрами [3–5]. Особое внимание уделяется и вопросам развития профессиональной аспирантуры [3; 4]. Отмечается, что введение линейки профессиональных практико-ориентированных программ и степеней соответствует глобальному курсу на вариативность карьерных траекторий выпускников и должно обеспечиваться диверсификацией моделей аспирантской подготовки и требований к результатам обучения [4].

Во многом Россия сегодня сталкивается с теми же вызовами, которые заложили предпосылки для создания системы профессиональных аспирантских программ в других странах: низкая результативность традиционной аспирантуры [1; 6], запрос на сертификацию специалистов высшей квалификации в наукоёмких и высокотехнологичных отраслях экономики за пределами

академического сектора [3], массовое совмещение учёбы в аспирантуре с работой [7], нацеленность значительной части аспирантов на карьеру в неакадемической сфере [6; 8; 9], низкий уровень технологического трансфера и использования результатов диссертационных исследований в прикладных целях [3; 4]. Это обосновывает важность дискуссий о развитии профессиональных аспирантских программ и поиске форм их оптимальной институциональной реализации и нормативной регуляции в России.

Отметим, что запрос на развитие профессиональных программ поддерживается текущим вектором научно-технологического развития в России, который направлен на усиление взаимодействия научных и образовательных организаций с предприятиями реального сектора экономики. Важнейшей целью новой программы поддержки ведущих российских университетов – Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» является активизация сотрудничества университетов, научных организаций и бизнеса. В качестве направлений и мероприятий этой программы определены вопросы коммерциализации результатов исследований и разработок; содействие трудоустройству выпускников университетов в высокотехнологичных отраслях экономики; развитие и реализация образовательных программ в сетевой форме с участием ор-

ганизаций реального сектора экономики; привлечение в университеты специалистов-практиков. Развитие профессиональных аспирантских программ, нацеленных на прикладное использование результатов исследований и разработок, может помочь в достижении этих целей.

В данной статье представлены результаты анализа зарубежных практик организации таких программ, описаны типы программ и особенности их реализации, а также барьеры и перспективы развития практико-ориентированных аспирантских программ в российских вузах.

Факторы появления и развития программ профессиональной аспирантуры

Профессиональная аспирантура – это форма подготовки кадров высшей квалификации для неакадемического рынка труда в конкретной сфере. Профессиональные аспирантские программы включают исследовательскую и образовательную компоненты и завершаются присуждением степени за вклад в развитие той профессиональной сферы, в которой специализируется обучающийся [10; 11]. Появление подобных программ было вызвано рядом факторов, связанных с изменением системы образования в целом и аспирантуры в частности. В первую очередь, это массовизация образования и развитие принципов *lifelong learning* (обучения в течение всей жизни) [12]. В условиях массового высшего образования и готовности самых разных групп продолжать своё профессиональное развитие появился спрос на программы, которые будут давать дополнительные специализированные знания и навыки, а также сигналы о высокой квалификации своих выпускников. Всё это вместе с развитием представлений о возрастающей роли науки и исследований для технологического развития формировало общественный запрос на диверсификацию предлагаемых университетами аспирантских программ. Традиционная аспирантура не всегда могла удовлетворить эти потребности [13]. Она

критиковалась за чрезмерно академический характер решаемых задач, представляющих интерес для узких научных направлений и зачастую лишённых значимого прикладного значения [10; 14–16].

В качестве существенного недостатка традиционных PhD-программ «неакадемические» работодатели отмечали несоответствие знаний и навыков выпускников ожиданиям рынка труда: слишком узкую научную специализацию, отсутствие навыков трансфера знаний, их применения за пределами академической сферы, недостаток управленческих и коммуникативных навыков, неумение работать в команде, решать комплексные задачи [10; 14; 17–18]. PhD-программы обычно не предусматривают привлечение в качестве преподавателей и консультантов специалистов-практиков, что приводит к изолированности аспирантов от профессионального мира. Поэтому выпускникам, ориентированным на неакадемические карьерные траектории, как правило, не хватает критически значимых связей, необходимых для успешного профессионального развития [14; 16]. Программы профессиональных степеней создавались с ориентацией на работающих профессионалов и предлагали подготовку в конкретной профессиональной сфере с поиском решений для реальных запросов из этой сферы.

Параллельно с этим постоянно увеличивалось количество выпускников аспирантуры, которые выходили на внешний рынок труда. В период с 1994 по 1998 гг. количество выпускников, выбравших неакадемическую сферу, удвоилось, а доля выпускников, продолживших работать в академии, снизилась с 47% до 33% [19]. Это произошло из-за невозможности академической сферы «вместить» увеличивающийся поток выпускников PhD-программ [20], роста исследовательского сектора в неакадемической сфере [14; 21–23], а также изменения предпочтений самих аспирантов [24]. Профессиональные степени стали ответом на эти изменения, так как предлагали особые программы для тех,

кто ориентирован на неакадемический рынок труда.

Появлению профессиональной аспирантуры также способствовал рост новых междисциплинарных исследовательских направлений, которые зачастую не вписывались в сложившиеся рамки традиционной аспирантуры [25]. Именно в таких областях появлялись и быстро развивались профессиональные программы, ставшие для университетов инструментом развития новых направлений в исследованиях и прикладных разработках [26]. Подобные исследовательские проекты были востребованы заказчиками из неакадемической сферы и позволили привлечь дополнительное финансирование в университеты [12].

Отличия профессиональной аспирантуры от традиционных PhD-программ

Первые профессиональные программы появились в Северной Америке: в 1898 г. в университете Торонто (Канада), а затем в 1921 г. в Гарвардском университете (США) были присуждены докторские степени в области образования [10; 14]. Однако широкое распространение профессиональных программ началось значительно позднее – в 80–90-х гг. XX в. В этот период подобные программы появляются в Великобритании и Австралии. В 1990-е количество программ в Великобритании увеличилось со 109 в 1998 г. до 153 в 2000 г. [27], а в Австралии – с 48 в 1990 г. до 131 в 2001 г. [28]. Чем же принципиально отличается профессиональная аспирантура от традиционных PhD-программ?

Профессиональная аспирантура ориентируется в первую очередь на специалистов, имеющих значительный опыт практической и управленческой деятельности, поэтому контингент таких программ, как правило, более возрастной. Определённость целей поступления – для развития собственной карьеры – задаёт мотивацию к обучению и является фактором более высоких показателей результативности таких программ

[14]. Подавляющая часть обучающихся совмещают учёбу с работой. Как известно, совмещение учёбы с работой характерно и для традиционной аспирантуры [29], однако на профессиональных программах, в отличие от первой, обучающиеся не занимаются подработками и не выходят на рынок труда в силу недофинансирования. Их карьерные планы определены, в то время как для традиционных аспирантов это одна из самых больших сложностей [30].

При приёме на профессиональные программы редко встречается смена направления подготовки, и один из критериев при поступлении – это предшествующее образование в той же области. Кроме релевантного образования важен и профессиональный опыт в сфере подготовки, а вот исследовательский опыт, часто являющийся преимуществом при поступлении в традиционную аспирантуру, здесь не так важен [28].

Принципиально различаются и цели, которые ставятся перед аспирантами самой программой. Если в традиционной аспирантуре цель деятельности формулируется как вклад в научное знание в определённой научной дисциплине, то в профессиональной – вклад в знания и практику конкретной профессиональной области [12]. И если первые программы профессиональных степеней были подготовкой исследователя для разных профессиональных сфер, то постепенно они сменили акцент на развитие исследовательских навыков для последующего их применения в профессиональной деятельности [11].

Практикоориентированность программ определяет и более тесное взаимодействие между университетом и индустрией. Это находит отражение в большей гибкости в отношении типов исследований и тем диссертационных работ, а также в привлечении преподавателей и руководителей из профессиональной сферы [12; 28]. Обучающиеся на программах, как правило, реализуют проекты в интересах индустриальных партнёров. Это укрепляет межотраслевые

связи, способствует интеграции академического и профессионального сообществ, позволяет университетам получить дополнительные источники финансирования [14; 18]. Наличие в университете профессиональных аспирантских программ становится признаком престижа. Например, многие ведущие университеты Великобритании предлагают прикладные исследовательские программы для получения степени доктора инженерии (EngD), на которые отбираются студенты с выдающимися способностями [18].

Существенным отличием является также степень стандартизации программ [14]. В отличие от более или менее унифицированной традиционной аспирантуры программы профессиональных степеней очень разнообразны. Они могут различаться по отношению к рынку труда: программы *pre-service* предполагают подготовку до начала профессиональной деятельности (наиболее распространены в США), а программы *in-service/post-service* разработаны для уже работающих специалистов [26]. Программы могут различаться по степени специализации (узкая и широкая), по минимальной квалификации, требуемой при поступлении (бакалавриат, магистратура, докторская степень), по преимущественной ориентации на образовательную или исследовательскую составляющую, по требованиям к присуждению степени. Разнообразие программ также находит своё отражение и в наименовании самих степеней («Doctor of», «Doctor in», «Doctorate of», «Doctorate in», «Professional Doctorate in» [11]), которые могут содержать упоминание профессиональной области (например, докторская степень по акушерству – *Doctorate of Midwifery*, докторская степень в области психологии здоровья – *The Professional Doctorate in Health Psychology*) или иметь общепрофессиональную фокусировку без отраслевой дифференциации (*Drprof* или *ProfD*) [31]. В Великобритании исследователи насчитали более 300 различных наименований профессиональных степеней [14].

Опыт реализации профессиональных программ в России

За последние двадцать лет российскими вузами был предпринят ряд попыток по разработке и внедрению программ профессиональных степеней. В период с 2002 г. такие программы открыли восемь организаций, в том числе семь государственных (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, НИТУ МИСиС, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Финансовый университет, КФУ) и один частный вуз (Евразийская Школа Менеджмента и Администрирования). Российский опыт реализации профессиональных программ пока концентрируется в области бизнес-управления (программы DBA) с единичными исключениями в других областях – *Doctor of public administration* (РАНХиГС), *Doctor of Education* (НИТУ МИСиС), *Doctor of Health Management* (НИУ ВШЭ), *Doctor of Sport Administration* (НИУ ВШЭ), *Doctor of Law* (НИУ ВШЭ)¹. Специфика российского опыта состоит в неравномерной географической и институциональной концентрации: шесть из восьми провайдеров программ расположены в Москве; отмечается высокая концентрация программ у двух лидеров – РАНХиГС и НИУ ВШЭ. Невысоким остаётся и масштаб подготавливаемых в России специалистов: ежегодный совокупный набор на профессиональные программы составляет всего 150–170 человек. Кроме того, важнейшей особенностью является то, что в силу отсутствия нормативного признания профессиональных степеней в качестве эквивалентов учёных степеней кандидата или доктора наук эти программы реализуются в системе дополнительного профессионального образования и завершаются выдачей соответствующего диплома.

Обсуждение потенциала развития и нормативного закрепления системы профессио-

¹ См.: Профессиональные степени в России могут быть признаны государством // Сайт НИУ ВШЭ. 2021, 30 апреля. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/465648920.html> (дата обращения 03.09.2021).

нальных степеней наравне с традиционными учёными степенями в России проводилось уже несколько раз. В 2013 г. идея выделения и институционализации отдельной линейки профессиональных степеней, приравненных по статусу к степеням кандидата наук, была озвучена председателем Высшей аттестационной комиссии В.М. Филипповым, а в 2016 г. аналогичная идея обсуждалась на заседании круглого стола Комитета Государственной Думы по образованию и науке. Однако последующих действий по введению профессиональных степеней предпринято не было. Новый виток дискуссий вокруг профессиональной аспирантуры относится к 2021 г., когда по распоряжению министра науки и высшего образования была создана специальная рабочая группа по разработке концепции введения в России системы профессиональных степеней. В связи с этим представляется актуальным и своевременным детальный анализ возможных проблем и выявление барьеров на пути развития программ профессиональных степеней в России, а также поиск оптимальных механизмов их преодоления.

Ключевые барьеры для развития профессиональной аспирантуры в России и перспективы их преодоления

Развитию профессиональной аспирантуры в России сегодня препятствует ряд факторов. Во-первых, важнейшим барьером является отсутствие государственного признания профессиональных степеней наравне с традиционными степенями кандидата и доктора наук. Как уже отмечалось выше, существующие программы имеют статус программ дополнительного профессионального образования, что приводит к снижению престижа и востребованности дипломов, подтверждающих профессиональную квалификацию, их общественному восприятию в качестве неполноценных [32]. Вторым барьером является отсутствие стандартов реализации профессиональных программ и оценки их результатов. Предлагаемые

программы имеют разную продолжительность, содержание, пререквизиты на входе и требования по завершению программы, что создаёт риски для формирования репутации и восприятия этих степеней в качестве подтверждения высокого профессионального уровня и статуса выпускников этих программ. Наконец, третья проблема – несоответствие большинства существующих программ требованиям международных аккредитационных агентств, что препятствует гармонизации российского и глобального рынков профессиональной аспирантуры. В совокупности обозначенные проблемы тормозят развитие программ профессиональных степеней при наличии существенного запроса на их расширение, востребованность в профессиональных сообществах, для которых актуальным остаётся вопрос признания и сертификации [3].

Одним из перспективных вариантов преодоления существующих барьеров является институционализация линейки профессиональных степеней и специализированных программ, нацеленных на подготовку к их присуждению. Очевидно, что реализация этого варианта потребует создания отдельного регулирующего нормативного поля, в частности, внесения изменений в Федеральные законы «О науке и государственной научно-технической политике», «Об образовании в Российской Федерации», а также в нормативные правовые акты, регулирующие подготовку и аттестацию кадров высшей квалификации. Ключевой проблемой при проработке данного варианта является отсутствие в российском правовом поле понятия «профессиональная учёная степень», а также риски непризнания таких степеней как равнозначных традиционным.

Другим, более реалистичным в краткосрочной перспективе, представляется вариант разработки отдельных нормативных инноваций, упрощающих реализацию профессиональных аспирантских программ с присуждением традиционной учёной степени кандидата наук. По сути, речь идёт об

изменении требований к оформлению диссертационных работ, подготовленных по итогам освоения такого рода программ, прежде всего – об упрощении их «академической упаковки». Отметим, что действующие нормативные рамки допускают подготовку и защиту практико-ориентированных диссертаций. Действительно, в Положении о присуждении учёных степеней² определено, что «диссертация на соискание учёной степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи... *либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны*». Такая формулировка означает возможность присуждения степени кандидата наук по результатам защиты диссертации сугубо прикладного характера, нацеленной не на *производство новых научных знаний*, а на *новые применения* научных знаний. Вместе с тем некоторый диссонанс в этом отношении вносит п. 30 Положения о диссертационном совете³, посвящённый оформлению диссертации. Согласно этому пункту во введении к диссертации, наряду с актуальностью темы, определением целей и задач, методов исследования, положений, выносимых на защиту, диссертант должен сформулировать *научную новизну и теоретическую* значимость своей работы. Зачастую именно это становится «камнем преткновения» для постановки актуальных

² Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» (вместе с «Положением о присуждении учёных степеней»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/ (дата обращения 03.09.2021).

³ Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (утверждён Приказом Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542611803> (дата обращения 03.09.2021).

диссертационных тем, ориентированных на практические разработки, а не на фундаментальные исследования.

Отметим, что, кроме нормативных ограничений, внедрению практико-ориентированных аспирантских программ и профессиональных степеней могут препятствовать и социокультурные барьеры. Речь идёт о сложившихся в академической среде легитимных социальных образцах и институциональных трафаретах в сочетании с сильными бюрократическими практиками [33]. Влияние такого рода ограничений прослеживается на всех уровнях академической жизни, начиная от оформления диссертаций, авторефератов, отзывов оппонентов и ведущих организаций и заканчивая процедурами избрания на академические позиции. Под давлением академического бюрократизма сложившиеся «правила игры» мифологизируются, принимают жёсткие «туннельные» формы, сдерживая перспективные институциональные и нормативные инновации. В этом контексте особенно важной становится задача отчётливой экспликации требований к практико-ориентированным диссертациям, подготовленным в рамках профессионального трека аспирантуры, и уточнение процедур оформления и рассмотрения таких диссертаций.

Заключение

Наличие критической массы специалистов высшей квалификации – исследователей, аналитиков, инженеров, способных обеспечивать быстрые прорывы в наукоёмких отраслях экономики, – сегодня становится императивом развития экономики [34]. Основным институциональным ресурсом подготовки интеллектуальной элиты общества является аспирантура. Явно выраженное в последние годы снижение эффективности аспирантуры в России создаёт значительные риски для устойчивого социально-экономического развития страны и предельно обостряет проблему кадрового обеспечения исследований, инноваций и развития науко-

ёмких отраслей экономики [1]. В этих условиях необходим поиск новых решений для адаптации института аспирантуры к запросам современного рынка интеллектуального труда [35].

Одним из перспективных решений является диверсификация аспирантских программ с точки зрения их форм, содержания и целевой ориентации. Это является ответом на глобальные вызовы снижения эффективности традиционных форм подготовки кадров высшей квалификации, изменения структуры аспирантского контингента и запросов рынка труда [36–37]. В частности, одним из важных международных трендов является разработка профессиональных аспирантских программ, имеющих более акцентированную прикладную составляющую по сравнению с традиционными программами и ориентированных на воспроизводство специалистов высшей квалификации для наукоемких отраслей экономики [14]. Анализ опыта ведущих мировых научно-образовательных центров, а также его адаптация к российскому контексту свидетельствуют о востребованности профессиональных программ и степеней и актуальности разработки нормативно-правовой базы для легитимизации профессиональных образовательных траекторий в российской аспирантуре.

Литература

1. Терентьев Е.А., Кузьминов Я.И., Фруммин И.Д. Наука без молодёжи? Кризис аспирантуры и возможности его преодоления. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 48 с. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/469469362.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).
2. Бедный Б.И., Кузенков О.А. Интегрированные программы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 4. С. 637–650. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.637-650
3. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Киселева К.Н. «Кандидат инженерии» – учёная степень, востребованная временем // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 109–121.
4. Бедный Б.И. Об индустриальной аспирантуре (комментарий к статье) // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 122–124.
5. Тесленко В.А., Мельников Р.М. Перспективы развития индустриальной аспирантуры в России // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 157–167. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-157-167>
6. Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В. Как российская аспирантура выполняет свою главную миссию: наукометрические оценки // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-9-24>
7. Бекова С.К., Джафарова З.И. Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 87–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108
8. Gruzdev I., Terentev E. Life after PhD: What Careers Do PhD Students in Russia Consider? // Higher Education in Russia and Beyond. 2016. No. 3 (9). P. 20–21.
9. Михалкина Е.В., Скачкова Л.С., Герасимова О.Я. Академическая или неакадемическая карьера: какой выбор делают аспиранты федеральных университетов? // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 148–173. DOI: 10.23683/2073-66062019-17-4-148-173
10. Kot F.C., Hendel D.D. Emergence and growth of professional doctorates in the United States, United Kingdom, Canada and Australia: A comparative analysis // Studies in Higher Education. 2012. Vol. 37 No. 3. P. 345–364. DOI: 10.1080/03075079.2010.516356
11. Melloe-Bourne R., Robinson C., Metcalfe J. Provision of professional doctorates in English HE institutions. Careers Research & Advisory Centre (CRAC) Ltd. January 2016. URL: https://research.edgehill.ac.uk/ws/files/21774575/Professional_doctorates_CRAC.pdf (дата обращения: 03.09.2021).
12. Potolea D., Toma S., Mosoiu O. Emergence of a new type of doctorate; professional doctorate // Studia Doctoralia. 2012. Vol. 1. №. 1-2. P. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.47040/sd/sdpsych.v1i1-2.1>
13. Lunt I. Review of Professional Doctorates. National Qualifications Authority (Ireland). October. ESCalate, 2006. 35 p. URL: <http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/12998> (дата обращения: 03.09.2021).

14. *Jones M.* Contemporary trends in professional doctorates // *Studies in Higher Education*. 2018. Vol. 43. No. 5. P. 814–825. DOI: 10.1080/03075079.2018.1438095
15. *Fenge L.A.* Professional doctorates – A better route for researching professionals? // *Social Work Education*. 2009. Vol. 28. № 2. P. 165–176. DOI: 10.1080/02615470701865733
16. *Usber R.* A diversity of doctorates: fitness for the knowledge economy? // *Higher Education Research & Development*. 2002. Vol. 21. № 2. P. 143–153. DOI: 10.1080/07294360220144060
17. *Huisman J., Naidoo R.* The professional doctorate: From Anglo-Saxon to European challenges // *Higher Education Management and Policy*. 2006. Vol. 18. №. 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1787/hemp-v18-art11-en>
18. *Germain-Alamartine E., Moghadam-Saman S.* Aligning doctoral education with local industrial employers' needs: A comparative case study // *European Planning Studies*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 234–254. DOI: 10.1080/09654313.2019.1637401
19. Australian Research Council (ARC) and Graduate Careers Council of Australia (GCCA). Career paths for PhD graduates: A scoping study. Prepared by the Graduate Careers Council of Australia. Canberra: ARC, 1999.
20. The scientific century: securing our future prosperity // *The Royal Society*. 2010. March 09. URL: <https://royalsociety.org/topics-policy/publications/2010/scientific-century/> (дата обращения: 03.09.2021).
21. *Lester S.* Conceptualizing the practitioner doctorate // *Studies in Higher Education*. 2004. Vol. 29. № 6. P. 757–770. DOI: 10.1080/0307507042000287249
22. *Boud D., Tennant M.* Putting doctoral education to work: challenges to academic practice // *Higher Education Research & Development*. 2006. Vol. 25. № 3. P. 293–306. DOI: 10.1080/07294360600793093
23. *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M.* The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies. London: Sage, 1994. 179 p.
24. *Lee H., Miozzo M., Laredo P.* Career Patterns and Competences of PhDs in Science and Engineering in the Knowledge Economy: The Case of Graduates from a UK Research-Based University // *Research Policy*. 2010. Vol. 39. No. 7. P. 869–881. URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/respol/v39y2010i7p869-881.html> (дата обращения: 03.09.2021).
25. *Archbald D.* The emergence of the nontraditional doctorate: A historical overview // *New Directions for Adult and Continuing Education*. 2011. Vol. 2011. No. 129. P. 7–19. DOI: 10.1002/ace.396
26. *Taylor J.* Quality and standards: The challenge of the professional doctorate // *Higher Education in Europe*. 2008. Vol. 33. № 1. P. 65–87. DOI: 10.1080/03797720802228191
27. *Maxwell T. W., Shanahan P.J.* Towards a reconceptualization of the doctorate: issues arising from comparative data relating to the EdD degree in Australia // *Studies in Higher Education*. 1997. Vol. 22. No. 2. P. 133–150. DOI: 10.1080/03075079712331381004
28. *Neumann R.* Doctoral differences: Professional doctorates and PhDs compared // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2005. Vol. 27. No. 2. P. 173–188. DOI: 10.1080/13600800500120027
29. *Vekova S.* Does employment during doctoral training reduce the PhD completion rate? // *Studies in Higher Education*. 2021. Vol. 46. No. 6. P. 1068–1080. DOI: 10.1080/03075079.2019.1672648
30. *Бекова С.К.* Благополучие аспирантов: обзор исследований и практик // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 422–44. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1635>
31. *Powell S., Long E.* Professional Doctorate Awards in the UK. London: UK Council for Graduate Education, 2005. 71 p.
32. *Кашина М.А.* Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации // *Высшее образование в России*. 2020. №. 8-9. С. 55–70. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70>
33. *Губа К.С., Соколов М.М., Соколова Н.А.* Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг. Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение? // *Экономическая социология*. 2020. №21 (3). С. 13–46. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-3-13-46
34. *Nerad M., Heggelund M.* (Ed.). Toward a global PhD? Forces and forms in doctoral education worldwide. University of Washington Press, 2011. 344 p.
35. *Усманов М.Р., Шушкин М.А., Назаров М.Г., Крылов П.А.* Барьеры, препятствующие эф-

- фективному взаимодействию российских университетов и бизнес-компаний // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 83–93. DOI: 10.15826/umpra.2021.01.006
36. *Keblm B. M.* Reforms of Doctoral Education in Europe and Diversification of Types // Cardoso, S., Tavares, O., Sin, C., Geraldo Carvalho, M.T. (Eds.). *Structural and Institutional Transformations in Doctoral Education*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 85–104.
37. *Nerad M.* Governmental Innovation Policies, Globalisation, and Change in Doctoral Education Worldwide: Are Doctoral Programmes Converging? Trends and Tensions // Cardoso S., Tavares O., Sin C., Carvalho T. (Eds). *Structural and Institutional Transformations in Doctoral Education*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 43–84. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-38046-5_3

Статья поступила в редакцию 05.08.21

Принята к публикации 03.09.21

References

1. Terentev, E.A., Kuzminov, Y.I., Frumin, I.D. (2021). *Nauka bez molodezhi? Krizis aspirantury i vozmozhnosti ego preodoleniya Science without Youth? [The Crisis of Doctoral Education and the Possibilities of Overcoming It.]*. Series: *Sovremennaya Analitika Obrazovaniya [Contemporary Educational Analytics]*. No. 6 (555). Moscow: HSE Publ. Available at: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/469469362.pdf> (accessed 03.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.).
2. Bednyi, B.I., Kuzenkov, O.A. (2017). Integrated Programmes for Master's Degree and PhD Students. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. Vol. 21, no. 4, pp. 637-650, doi: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.637-650 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Rudskoy, A.I., Borovkov, A.I., Romanov, P.I., Kiseleva, K.N. (2017). The Candidate Engineering Academic Degree Required Now. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 10 (216), pp. 109–121. (In Russ., abstract in Eng.).
4. Bednyi, B.I. (2017). About the “Industrial” Postgraduate Studies (Applied Research). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 10, pp. 122-124. (In Russ, abstract in Eng.).
5. Teslenko, V.A., Melnikov, R.M. (2020). Prospects for Collaborative Industrial Doctoral Education in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 5, pp. 157-167, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-157-167> (In Russ., abstract in Eng.).
6. Bednyi, B.I., Mironos, A.A., Rybakov, N.V. (2019). How Russian Doctoral Education Fulfills Its Main Mission: Scientometric Assessments (Article 2). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 10, pp. 9-24, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-9-24> (In Russ., abstract in Eng.).
7. Bekova, S., Dzhafarova, Z. (2019). Who is Happy at Doctoral Programs: The Connection between Employment and Learning Outcomes of PhD Students. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. Moscow. No. 1, pp. 87-108, doi: <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-87-108> (In Russ., abstract in Eng.).
8. Gruzdev, I., Terentev, E. (2016). Life after PhD: What Careers Do PhD Students in Russia Consider? *Higher Education in Russia and Beyond*. No. 3 (9), pp. 20-21.
9. Mikhalkina, E. V., Skachkova, L.S., Gerasimova, O.Y. (2019). Academic or Non-Academic Career: What Choice Do Graduates of Federal Universities Make? *Terra Economicus*. Vol. 17, no. 4, pp. 148–173, doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-148-173 (In Russ., abstract in Eng.).
10. Kot, F.C., Hendel, D.D. (2012). Emergence and Growth of Professional Doctorates in the United States, United Kingdom, Canada and Australia: A Comparative Analysis. *Studies in Higher Education*. Vol. 37, no. 3, pp. 345-364, doi: 10.1080/03075079.2010.516356

11. Melloe-Bourne, R., Robinson, C., Metcalfe, J. (2016). *Provision of Professional Doctorates in English HE Institutions*. Careers Research & Advisory Centre (CRAC) Ltd. January. Available at: https://research.edgehill.ac.uk/ws/files/21774575/Professional_doctorates_CRAC.pdf (accessed 03.09.2021).
12. Potolea, D., Toma, S., Mosoiu, O. (2012). Emergence of a New Type of Doctorate; Professional Doctorate. *Studia Doctoralia*. Vol. 1, no. 1-2, pp. 7-25, doi: <https://doi.org/10.47040/sd/sdpsych.v1i1-2.1>
13. Lunt, I. (2006). *Review of Professional Doctorates*. National Qualifications Authority (Ireland). October. ESCalate, 35 p. Available at: <http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/12998> (accessed 03.09.2021).
14. Jones, M. (2018). Contemporary Trends in Professional Doctorates. *Studies in Higher Education*. Vol. 43, no. 5, pp. 814-825, doi: 10.1080/03075079.2018.1438095
15. Fenge, L.A. (2009). Professional Doctorates – A Better Route for Researching Professionals? *Social Work Education*. Vol. 28, no. 2, pp. 165-176, doi: 10.1080/02615470701865733
16. Usher, R. (2002). A Diversity of Doctorates: Fitness for the Knowledge Economy? *Higher Education Research & Development*. Vol. 21, no. 2, pp. 143-153, doi: 10.1080/07294360220144060
17. Huisman, J., Naidoo, R. (2006). The Professional Doctorate: From Anglo-Saxon to European Challenges. *Higher Education Management and Policy*. Vol. 18, no. 2, pp. 1-13, doi: <https://doi.org/10.1787/hemp-v18-art11-en>
18. Germain-Alamartine, E., Moghadam-Saman, S. (2020). Aligning Doctoral Education with Local Industrial Employers' Needs: A Comparative Case Study. *European Planning Studies*. Vol. 28, no. 2, pp. 234-254, doi: 10.1080/09654313.2019.1637401
19. Australian Research Council (ARC) and Graduate Careers Council of Australia (GCCA) (1999). *Career Paths for PhD Graduates: A Scoping Study*. Prepared by the Graduate Careers Council of Australia. Canberra: ARC.
20. (2010). The Scientific Century: Securing Our Future Prosperity. *The Royal Society*, March 09. Available at: <https://royalsociety.org/topics-policy/publications/2010/scientific-century/> (accessed 03.09.2021).
21. Lester, S. (2004). Conceptualizing the Practitioner Doctorate. *Studies in Higher Education*. Vol. 29, no. 6, pp. 757-770, doi: 10.1080/0307507042000287249
22. Boud, D., Tennant, M. (2006). Putting Doctoral Education to Work: Challenges to Academic Practice. *Higher Education Research & Development*. Vol. 25, no. 3, pp. 293-306, doi: 10.1080/07294360600793093
23. Gibbons, M., Limoges, C., Nowotny, H., Schwartzman, S., Scott, P., Trow, M. (1994). *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies*. London : Sage, 179 p.
24. Lee, H., Miozzo, M., Laredo, P. (2010). Career Patterns and Competences of PhDs in Science and Engineering in the Knowledge Economy: The Case of Graduates from a UK Research-Based University. *Research Policy*. Vol. 39, No. 7, pp. 869–881. Available at: <https://ideas.repec.org/a/eee/respol/v39y2010i7p869-881.html> (accessed 03.09.2021).
25. Archbald, D. (2011). The Emergence of the Nontraditional Doctorate: A Historical Overview. *New Directions for Adult and Continuing Education*. Vol. 2011, no. 129, pp. 7-19. doi: 10.1002/ace.396
26. Taylor, J. (2008). Quality and Standards: The Challenge of the Professional Doctorate. *Higher Education in Europe*. Vol. 33, no. 1, pp. 65-87, doi: 10.1080/03797720802228191
27. Maxwell, T.W., Shanahan, P.J. (1997). Towards a Reconceptualisation of the Doctorate: Issues Arising from Comparative Data Relating to the EdD Degree in Australia. *Studies in Higher Education*. Vol. 22, no. 2, pp. 133-150, doi: 10.1080/03075079712331381004

28. Neumann, R. (2005). Doctoral Differences: Professional Doctorates and PhDs Compared. *Journal of Higher Education Policy and Management*. Vol. 27, no. 2, pp. 173-188, doi: 10.1080/13600800500120027
29. Bekova, S. (2021). Does Employment during Doctoral Training Reduce the PhD Completion Rate? *Studies in Higher Education*. Vol. 46, no. 6, pp. 1068-1080, doi: 10.1080/03075079.2019.1672648
30. Bekova, S.K. (2020) Well-being of Doctoral Students: A Review of Studies and Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3, pp. 422-442, doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1635> (In Russ., abstract in Eng.).
31. Powell, S., Long, E. *Professional Doctorate Awards in the UK*. UK Council for Graduate Education, 2005, 71 p.
32. Kashina, M.A. (2020). Negative Effects of Reforming Russian Graduate School: Analysis and Ways to Minimize. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 8/9, pp. 55-70, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70> (In Russ., abstract in Eng.).
33. Guba, K., Sokolov, M., Sokolova, N. (2020) The Dynamics of Dissertation Industry in Russia, 2005–2015. Did New Institutional Templates Change Academic Behavior? *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. Vol. 21, no. 3, pp. 13–46, doi: 10.17323/1726-3247-2020-3-13-46 (In Russ., abstract in Eng.).
34. Nerad, M., Heggelund, M. (Ed.). *Toward a Global PhD? Forces and Forms in Doctoral Education Worldwide*. University of Washington Press, 2011. 344 p.
35. Usmanov, M. R., Shushkin, M. A., Nazarov, M. G., Krylov, P. A. (2021). Barriers to Effective Interaction of Russian Universities and Companies. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 25, no. 1, pp. 83–93, doi: 10.15826/umpa.2021.01.006. (In Russ., abstract in Eng.).
36. Kehm, B.M. (2020) Reforms of Doctoral Education in Europe and Diversification of Types. In: Cardoso, S., Tavares, O., Sin, C., Geraldo Carvalho, M.T. (Eds.). *Structural and Institutional Transformations in Doctoral Education*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 85-104.
37. Nerad, M. (2020). Governmental Innovation Policies, Globalization, and Change in Doctoral Education Worldwide: Are Doctoral Programs Converging? Trends and Tensions. In: Cardoso, S., Tavares, O., Sin, C., Carvalho, T. (Eds). *Structural and Institutional Transformations in Doctoral Education*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 43-84, doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-38046-5_3

*The paper was submitted 05.08.21
Accepted for publication 03.09.21*